

Вэнь Чаннин надеялся, что сможет встретиться с мастером У Юнем немедленно, однако Даоцзи с виноватым видом покачал головой:

— Прошу прощения, господи. Едва забрезжил рассвет, мастер У Юнь покинул храм Цыгуан, чтобы отправиться в странствие.

Они никак не ожидали подобного поворота, особенно Гу Чанъянь. Ведь еще вчера, уходя из древнего храма, он беседовал с мастером, и тот ни словом не обмолвился о скором отъезде.

Гу Чанъянь уже хотел спросить, в какую сторону направился монах, но Даоцзи поспешил добавить:

— Впрочем, перед уходом мастер У Юнь наказал: если кто-то будет его искать, пусть обращаются к настоятелю У Вану.

У Ван приходился старшим братом У Юню. Услышав это, Гу Чанъянь почувствовал, что эта поездка может оказаться не напрасной.

Втроем они последовали за Даоцзи в боковой двор. Когда они вошли в комнату, Даоцзи удалился, а вскоре появился послушник с подносом. Расставив чашки на столе, он вежливо попросил их подождать, добавив, что настоятель скоро придет, а пока им стоит выпить чаю.

Вэнь Чаннин чувствовал себя странно. В его времени материализм был незыблемой основой мировоззрения, и хотя буддизм существовал, он оставался лишь одной из религий. То, что он попал сюда благодаря технологиям будущего, он еще мог принять, но вот так, всерьез просить помощи у монахов... В глубине души он чувствовал, будто предаёт идеалы современного мира.

Вэнь Чаннин пробормотал себе под нос, пребывая в замешательстве:

— И в чем же тогда разница между суеверием в левом глазу и наукой в правом...

Сказано это было слишком тихо и невнятно, и Гу Чанъянь переспросил:

— Что ты сказал?

— Ничего, — Вэнь Чаннин покачал головой, переводя тему. — Скажи, а что за человек мастер У Юнь?

Видя, что Вэнь Чаннин не хочет продолжать, Гу Чанъянь ответил:

— Настоятель У Ван и мастер У Юнь — братья по учению, но характеры у них противоположные. Мастер У Юнь — натура вольная и необузданная, он любит странствовать в поисках дзенских прозрений. Я сам видел его лишь однажды, когда приезжал сюда в прошлый раз.

Только они закончили разговор, как появился настоятель У Ван. На нем была ряса, а на вид ему было около пятидесяти лет; лицо его излучало покой и доброту.

После взаимных приветствий Вэнь Чаннин принялся пристально разглядывать настоятеля. Тот, казалось, не замечал присутствия лишнего человека, но спустя некоторое время, возможно, почувствовав на себе взгляд, У Ван на мгновение посмотрел прямо в сторону Вэнь Чаннина.

Вэнь Чаннин похолодел: настоятель его не видел. Похоже, этот монах не сможет ему помочь.

Тем временем Гу Чанъянь поклонился:

— Настоятель, я пришел к вам, потому что не могу найти ответ на один вопрос.

Из уважения Вэнь Чаннин повторил жест Гу Чанъяня: выпрямился, сложил ладони вместе, слегка поклонился и замер.

Настоятель У Ван, полный, с чистым лицом и доброй улыбкой, в своей рясе напоминал статую Майтрейи. Он мягко произнес:

— Бедный монах сделает все возможное, чтобы развеять ваши сомнения, юный друг.

— Благодарю вас, настоятель.

Гу Чанъянь перешел к главному:

— Знаете ли вы, почему мастер У Юнь много лет назад подарил нефритовый кулон моей матери?

— Амиабха, — У Ван перебрал четки, вздохнув, словно собираясь раскрыть великую тайну. — Все связи в этом мире — лишь следствие причин и условий.

Из рассказа настоятеля Гу Чанъянь узнал подробности той истории. Оказалось, что его мать, Линь Юсу, перед свадьбой с Гу Сюем была полна тревог и надежд. Она пригласила своих близких подруг, сестер из семьи Жун, в храм Цыгуан помолиться о благословении. Именно тогда, под деревом гинкго, они встретили мастера У Юня. Разговорившись, мастер подарил ей кулон, сказав, что у нее с этим камнем особая связь.

Был и еще один случай: младшая из сестер Жун тогда не поняла, почему подарок достался только Линь Юсу, и спросила, почему мастер не дал кулон ей. На что У Юнь ответил, что ее связь с этим предметом оказалась слабее.

Когда У Ван закончил, в комнате воцарилась тишина. Чжао Лань, до этого момента выглядевший расслабленным, невольно выпрямился.

Вэнь Чаннин подумал: неужели в буддизме действительно есть нечто непостижимое, и эти монахи способны видеть нити судеб, связывающие людей?

Пока У Ван говорил, Гу Чанъянь погрузился в воспоминания о своей матери — той, которой уже нет в живых. В его памяти она всегда оставалась нежной, добродетельной женщиной, которая заботилась о нем, чтит отца, была почтительна к старшим и умело вела хозяйство в усадьбе Гу.

Но образ юной девушки, о котором рассказывал настоятель, создал в его душе странное чувство раздвоенности. Мать никогда не рассказывала ему о своей юности, а он никогда не задумывался об этом. Теперь же, вспоминая ее жизнь и ранний уход, он почувствовал, как сердце сжалось от острой боли.

Вэнь Чаннин заметил, как Гу Чанъянь застыл, а в глубине его глаз промелькнула скорбь. Вспомнив, что он слышал в усадьбе о смерти матери Гу Чанъяня, Вэнь Чаннин остановился, не решаясь подойти.

Когда Гу Чанъянь пришел в себя, он встретил обеспокоенные взгляды Вэнь Чаннина и Чжао Ланя. Встретившись на мгновение глазами с Вэнь Чаннином, он первым отвел взгляд и снова посмотрел на У Вана.

Когда они вышли из храма, Вэнь Чаннин все еще пребывал в задумчивости. Он никак не мог понять, что же они получили от этого визита — дзенское прозрение или что-то еще? И считается ли он теперь атеистом? Если бы была хоть малейшая возможность, он бы все равно хотел вернуться в свой мир.

Очнувшись от мыслей, Вэнь Чаннин заметил, что Гу Чанъянь не идет к главным воротам, а медленно направляется к задней части храма. Вэнь Чаннин счел это проявлением тоски.

Утрата близких требует от живых долгих лет исцеления и целой жизни, чтобы помнить. В то время, когда умерли его родители, Вэнь Чаннин тоже не мог смириться. Он глубоко прятал свою тоску, боясь, что она раздавит его. Теперь, когда он оказался в другом мире, кто придет навестить их могилы? Кто заменит их сына?

Хватит, Вэнь Чаннин, остановись. Не думай об этом.

Он изо всех сил пытался подавить эмоции, чтобы не выдать себя. Хотя его мог видеть только Гу Чанъянь, он не хотел выглядеть слабым — даже перед одним человеком.

Чтобы отвлечься, он стал разглядывать деревья. Это были старые гинкго с толстыми стволами, но сейчас, зимой, листва опала, и голые ветви выглядели довольно уныло.

Незаметно они остановились перед одним из деревьев. Вэнь Чаннин подумал, что летом, когда дерево покроется листвой, оно наверняка будет давать густую тень.

Из-за того, что пейзаж был столь безжизненным, вокруг, кроме них троих, никого не было. Наступила тишина. Чжао Лань, привыкший к молчаливости своего господина, тоже не нарушал покоя. Вэнь Чаннин решил дать Гу Чанъяню время прийти в себя.

— А как же твоя семья? Как они без тебя? — внезапно спросил Гу Чанъянь.

Вэнь Чаннин ответил:

— Мои родители умерли. У меня больше нет семьи.

Гу Чанъянь замолчал:

— ...Прости.

Вэнь Чаннин пожал плечами:

— Об этом не стыдно говорить.

Он не боялся вопросов — он боялся, что о его родителях забудут.

Гу Чанъянь не нашел слов. У него сложилось хорошее впечатление о Вэнь Чаннине — спокойном и теплом человеке. Он думал, что затаенная печаль в глазах Вэнь Чаннина — лишь следствие разлуки с родным краем. Он и не подозревал, что причина в том, что Вэнь Чаннин остался совсем один.

Гу Чанъянь тогда еще не знал, что его и Вэнь Чаннина разделяет тысяча лет — политика, экономика, культура, мышление... Слишком много всего, на изучение чего ему не хватит целой жизни.

<http://bllate.org/book/18800/1827385>